

ПАВЕЛ ЛИМОНОВ

РАЗВОД.
ПОД ЛИЧНОЙ ОХРАНОЙ
НОВОГО БОССА

Павел Лимонов

**Развод. Под личной
охраной нового босса**

«Автор»

2026

Лимонов П.

Развод. Под личной охраной нового босса / П. Лимонов —
«Автор», 2026

За семь минут до совещания я узнаю об измене мужа. За столом новый владелец компании показывает документ с моей подписью — подписью, которой я не ставила. Артур спасает должность и выводит наши общие деньги, а виноватой должна остаться я. Константин Вельский предлагает мне место в своей команде и личную охрану. Он властный, опасно внимательный и знает обо мне больше, чем должен. Рядом с ним я снова чувствую себя желанной, но после предательства не готова доверять мужчине, привыкшему принимать решения за других. Чтобы вернуть свое имя и довести развод до конца, мне придется найти того, кто подменил согласование, пережить вторжение и понять, где заканчивается защита и начинается новый контроль. Я больше не стану удобной женой. Но смогу ли стать любимой женщиной, не потеряв себя?

© Лимонов П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. Голосовое сообщение	5
ГЛАВА 2. Условия защиты	12
ГЛАВА 3. Моя подпись	19
ГЛАВА 4. Человек из списка	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Павел Лимонов

Развод. Под личной охраной нового босса

ГЛАВА 1. Голосовое сообщение

Об измене мужа я узнала за семь минут до первого совещания с новым владельцем компании.

Артур вел машину одной рукой, второй листал сообщения на экране, закрепленном над панелью. Мы уже свернули с Садового на Дубининскую, и навигатор показывал четыре минуты до подземной парковки. В календаре у нас стояло одно и то же событие: «Экстренное заседание. Новый акционер. Явка обязательна».

— Соколова прислала расчет, — сказал Артур и нажал на серый значок рядом с именем Яны.

Вместо расчета из динамиков прозвучал ее голос:

— Я нашла твою запонку под кроватью. И синяк на бедре никуда не делся. Если сегодня снова скажешь жене про совещание, приезжай без галстука. Мне нравится, когда ты торопишься его снять.

Артур ударил пальцем по экрану. Сообщение оборвалось на тихом смехе.

В машине продолжал работать обдув. Впереди загорелся зеленый, водитель белого фургона позади коротко посигналил.

— Езжай, — сказала я.

Артур тронулся слишком резко. Моя сумка соскользнула с заднего сиденья и уперлась в спинку пассажирского кресла.

— Тася, это...

— Сколько?

— Сейчас не время.

— Я спросила, сколько это продолжается.

Он перестроился к парковке, хотя мог ответить, не меняя полосы.

— Мы через четыре минуты должны сидеть перед Вельским. «СеверТранс» ночью прислал претензию. Если сорвется контракт, под вопросом будет половина коммерческого блока.

— Значит, ответ займет меньше четырех минут. Сколько?

— Я не собираюсь обсуждать наш брак в машине.

— Голосовое сообщение ты включил именно здесь.

Он сжал руль обеими руками. Обручальное кольцо на его правой руке царапнуло кожу на ободе. Одиннадцать лет назад Артур надел его в зале районного загса и потом несколько недель снимал перед душем, боясь испортить. Последние годы он не снимал кольцо даже в спортзале. Оказалось, это ничего не доказывало.

— Вечером поговорим, — сказал он. — Нормально, без истерики.

— Если ты еще раз назовешь мой вопрос истерикой, разговор закончится раньше вечера.

— Ты уже решила, что услышала всю историю.

— Я услышала достаточно, чтобы не просить подробностей о синяке.

Шлагбаум поднялся после считывания номера. Артур остановил машину на своем месте у лифтового холла, заглушил двигатель и повернулся ко мне.

— Мы сейчас поднимаемся вместе, проводим заседание, а потом я все объясню.

— Вместе мы поднимемся потому, что работаем в одной компании. Других совместных действий сегодня не планирую.

Я открыла дверь.

Артур схватил меня за запястье. Не сильно, однако достаточно, чтобы остановить.

— Не устраивай это при людях.

Я посмотрела на его пальцы.

— Убери руку.

Он отпустил сразу. Я достала сумку с заднего сиденья, проверила, что телефон и рабочий планшет на месте, и пошла к лифту. Артур догнал меня у стеклянной двери.

— Яна пришлет записку с расчетом через пять минут, — сказал он деловым тоном. — Если кто-нибудь спросит, мы обсуждали цифры по сопровождению.

— Я не буду подтверждать твою ложь.

— Это не ложь. Расчет существует.

— Тогда он обойдется без объяснения того, где лежала твоя записка.

В лифте находились двое сотрудников бухгалтерии. Они поздоровались сначала с Артуром, потом со мной. Я ответила, нажала кнопку восьмого этажа и встала так, чтобы муж не мог заговорить вполголоса, не привлекая внимания.

За годы в договорном контроле я привыкла откладывать личное до конца совещания, звонка или срока подачи. До этого утра мне казалось, что такая способность помогает жить. В лифте я впервые подумала, сколько чужих решений успела сделать удобными, пока ждала подходящего времени для собственного.

Переговорная совета занимала угол восьмого этажа. Два окна выходили на железнодорожные пути, еще одно — на соседний деловой центр. На столе лежали папки без логотипа, бутылки воды и распечатанный порядок заседания. Ни завтрака, ни кофе не поставили. Значит, встречу планировали короткой или неприятной.

Константин Вельский стоял у экрана и разговаривал с Львом Никитичем Бородиным, председателем комитета по аудиту. Я видела нового генерального директора один раз — на общем собрании после сделки. Тогда он говорил девять минут, не обещал быстрых побед и попросил руководителей сохранить документы за последние три года. Запрос показался мне разумнее обычной речи о новой эпохе.

При нашем появлении Вельский закончил фразу и посмотрел на часы.

— Восемь двадцать девять. Начнем вовремя.

Он был выше Артура, хотя тот редко встречал мужчин, рядом с которыми это становилось заметно. Темный костюм сидел без модной тесноты, на висках проступала седина. Вельский не протянул руку ни мне, ни мужу. Он указал места по табличкам.

Мое стояло справа от Бородина. Артуру отвели кресло через два человека от меня.

У дальней стены сидели директор по информационным технологиям Сергей Молчанов, начальник клиентского отдела Наталья Бурова и Виктор Лапшин из «СеверТранс Логистики». Лапшин отвечал у клиента за корпоративную безопасность. В июне мы спорили с ним о формулировке ответственности за закрытые приложения, и он трижды возвращал проект договора. На четвертый раз я признала, что его замечание точнее нашего текста.

Сегодня перед ним лежала красная папка.

Вельский занял место во главе стола.

— Вчера в двадцать один сорок представитель «СеверТранс» уведомил нас о разглашении приложения КМ-четыре к проекту договора номер сто восемнадцать, — сказал он. — Приложение содержит тестовый маршрут председателя правления и контрольные точки сопровождения. Виктор Сергеевич, изложите последствия.

Лапшин открыл папку.

— В понедельник на подъезде к третьей контрольной точке машину сопровождения заблокировал фургон. Водитель фургона сослался на поломку. Через девять минут он уехал сам. Вчера нашей внутренней службе передали копию маршрута. В файле отмечена именно

третья точка. Физического контакта не было, пострадавших нет. Мы считаем, что режим тестирования нарушен, и приостанавливаем согласование основного контракта.

Наталья Бурова спросила:

— Откуда получена копия?

— До окончания нашей проверки источник не раскрывается.

Артур наклонился вперед.

— Мы готовы провести совместный разбор и заменить всю группу сопровождения.

Виновные сотрудники будут отстранены сегодня.

Лапшин посмотрел на него без интереса.

— Сначала установите, кто виноват.

Вельский коснулся пульта. На экране открылся титульный лист приложения. В правом нижнем углу стоял блок согласований: коммерческий директор, начальник клиентского отдела, руководитель договорных рисков. Напротив последней строки были мои фамилия, инициалы и дата — двадцать девятое мая.

Я придвинула распечатку.

На бумаге значилось: «STL_118_KM4_FINAL_06.pdf».

В мае я работала с версией КМ-три. В ней не было маршрута конкретного человека. Она описывала требования к тестовому сопровождению, порядок допуска подрядчика и ответственность за хранение данных.

— Таисия Викторовна, это ваш блок согласования? — спросил Вельский.

Артур ответил раньше меня:

— Да. Таисия вела договор со стороны контроля. Все изменения мы обсуждали.

Я повернулась к нему.

— Вопрос задали мне.

Он едва заметно поднял подбородок. Дома такой жест означал, что я усложняю простое дело. На заседаниях он обычно позволял мне закончить.

Я снова посмотрела на экран.

— Изображение блока похоже на мое стандартное согласование. Этот файл я не утверждала.

Сергей Молчанов снял очки.

— В системе стоит ваша фамилия.

— В системе стоит изображение с фамилией. Покажите карточку маршрута согласования, идентификатор версии и время загрузки финального файла.

— Сейчас у меня только выгрузка.

— Тогда вы пока не можете подтвердить, кто загрузил документ.

Артур положил ладонь на стол.

— Тася, мы в мае обсуждали расширение доступа «Сигма Контроль». Ты согласилась после того, как Коваль предоставил список сотрудников.

— Я согласовала допуск к коммерческой части. К закрытому маршруту я доступ подрядчика не согласовывала.

— Ты сама закрыла замечание.

— К версии КМ-три. Название сейчас перед вами.

Вельский не повысил голос, однако Артур замолчал после первого слова:

— Личные формы обращения оставьте за пределами протокола. Продолжайте, Таисия Викторовна.

Я перелистнула приложение. На пятой странице был маршрут, на шестой — таблица контрольных остановок. Внизу каждой страницы стоял короткий номер версии. «118-KM4-0529-6».

— У меня сохранился отчет по КМ-три от двадцать восьмого мая, — сказала я. — В нем я потребовала исключить подрядчика из списка получателей закрытых приложений. Двадцать девятого мая Артур сообщил, что вопрос снят, потому что маршрут останется внутри клиентской группы. Я закрыла замечание в карточке договора. Если после этого к карточке прикрепили другую версию, визуальный блок можно было перенести в новый PDF.

Бородин сложил руки на папке.

— Где исходный отчет?

— В корпоративном архиве должна быть карточка. Рабочая копия была у меня.

— Была?

— В июне Артур попросил удалить ее с общего диска отдела после закрытия замечания. Я сохранила копию в личной рабочей папке до окончания тендера. Сегодня проверю, осталась ли она в резерве.

Артур резко повернул голову.

— Ты хранила закрытый документ вне карточки?

— На корпоративном диске с моим уровнем доступа. Не на личном устройстве.

— Это нарушение порядка.

— Меньшее, чем поддельное согласование, если подмена подтвердится.

Лапшин перестал листать папку и посмотрел на меня внимательнее.

Вельский задал следующий вопрос:

— Кто, кроме вас, знал о копии?

— Артур. Мои сотрудники могли видеть название папки, но доступа к ней у них не было. IT могло видеть сам факт хранения.

— Доступ к вашему рабочему устройству?

— Через доменную учетную запись и второй фактор. Во время отпуска я передавала обязанности заместителю, но не учетные данные.

Сергей Молчанов открыл ноутбук.

— Мне нужен официальный запрос на сохранение образов. Если сейчас сотрудники начнут заходить в старые папки, мы потеряем часть временных отметок.

— Запрос подготовлен, — сказал Вельский. — С этой минуты запрещено удалять, переименовывать или переносить материалы по проекту сто восемнадцать. Доступы Артура Игоревича, Таисии Викторовны, Натальи Алексеевны и сотрудников, работавших с приложениями, временно переводятся в режим чтения. Образы снимает внешний специалист в присутствии IT и представителя комитета.

Артур выпрямился.

— Вы ограничиваете коммерческого директора перед переговорами по крупнейшему контракту.

— Контракт уже приостановлен, — ответил Вельский. — Ограничение касается одного проекта. Остальные полномочия сохраняются до отдельного решения.

— На основании неподтвержденной версии моей жены?

— На основании утечки закрытого приложения. Версия вашей жены будет проверена так же, как ваша.

Фраза была справедливой. Мне она все равно не понравилась.

— Прошу внести в протокол, что я оспариваю свое согласование версии КМ-четыре и готова передать рабочие устройства для снятия образа, — сказала я. — До передачи прошу запретить удаленный вход в мою учетную запись всем администраторам, кроме назначенной группы.

Молчанов нахмурился.

— Администраторы не работают без заявки.

— Тогда запрет не создаст вам затруднений.

У Лапшина дернулся уголок рта. Бородин записал мою формулировку от руки.

Вельский спросил:

— Еще требования?

— Мне нужна копия распоряжения об ограничении доступа и акт передачи планшета.

Телефон личный, рабочей почты на нем нет.

— Получите у секретаря до выхода из здания.

— И доступ к протоколу этой встречи.

— После согласования участниками.

Артур смотрел на меня так, будто я объявила войну, хотя всего лишь попросила документы.

Заседание продолжалось сорок три минуты. Клиент согласился дать нам десять рабочих дней на первичную проверку. Вельский назначил рабочую группу, но не включил в нее Артура и меня до снятия образов. Бородин потребовал сообщать ему о каждом изменении доступа. Молчанов перечислил серверы, которые предстояло сохранить.

Ни разу Артур не попытался ответить на мой вопрос о Яне.

После заседания он дождался, пока Лапшин и Бурова выйдут, и подошел к моему креслу.

— Нам надо поговорить до того, как ты начнешь рассылать заявления.

— О каком из двух вопросов? Об измене или о документе?

Бородин задержался у двери. Константин Вельский стоял у экрана, просматривая записи секретаря. Оба слышали нас.

Артур понизил голос:

— Не смешивай работу и семью.

— Это ты привел любовницу в проект, по которому использовали мое согласование.

— Яна работает в тендерном отделе. Это не преступление.

— Измена тоже не преступление. Она просто заканчивает наш брак.

Он отступил на полшага.

Я произнесла это без подготовки. Накануне у меня не было плана разводиться. Утром я ехала на заседание рядом с мужем и думала, стоит ли заказать продукты к выходным. Теперь решение прозвучало при двух свидетелях, и от него не хотелось отступать.

— Ты не можешь решить такое за час, — сказал Артур.

— Мне хватило сообщения длиной в четырнадцать секунд.

— Вечером ты успокоишься.

— Вечером я не вернусь в квартиру.

Он открыл рот, но Вельский подошел к нам.

— Артур Игоревич, служебный разговор окончен. Если вам нужен кабинет для личного, согласуйте с Таисией Викторовной. Без ее согласия не задерживайте сотрудника.

— Вы недавно в компании, Константин Михайлович. Не стоит вмешиваться в чужой брак.

— Я вмешиваюсь в разговор руководителя с сотрудником после заседания по утечке. Ваш брак дает вам право попросить. Должность не дает права удерживать.

Артур посмотрел на него, затем на меня.

— Я буду в своем кабинете до десяти. Позвони, когда перестанешь разговаривать со мной через свидетелей.

— Не жди.

Он ушел. Бородин последовал за ним через несколько секунд, сказав, что направит проект протокола к полудню.

Я осталась рядом со столом. Вельский не спрашивал, как я себя чувствую. За это я была ему благодарна.

— Передайте планшет по акту, — сказал он. — После этого можете взять день за свой счет или остаться в доступной части работы. Решение ваше.

— Я останусь. У меня два договора, не связанных с «СеверТрансом».

— Доступ к ним не ограничен.

— Тогда оснований уходить нет.

Он посмотрел на меня дольше, чем требовал ответ. Светло-карие глаза, тонкий шрам под подбородком, седина у висков — детали я отметила так же, как отмечала расположение камер в переговорной. Не потому, что хотела любоваться. Мне требовалось понимать человека, который получил власть над моей работой в худшее утро года.

— У вас есть место, где вы будете ночевать? — спросил он.

— Это не рабочий вопрос.

— Пока нет.

— Тогда я не обязана отвечать.

— Не обязаны.

Он принял отказ без второго захода и вернулся к экрану.

Я забрала со стола телефон. На нем было три пропущенных от Артура, одно сообщение от Яны с темой «Расчет по сопровождению» и новое уведомление с неизвестного номера.

Сначала открылась фотография. Наш автомобиль стоял на парковочном месте, снятый с расстояния нескольких метров. Кадр был сделан утром: на лобовом стекле оставалась узкая полоса влаги после мойки, которую Артур заказал накануне.

Под фотографией находилась одна строка:

«Скажешь про майский файл — домой не доедешь.»

Майским файлом мы с Артуром называли исходный отчет только дома. В рабочей переписке он проходил под номером замечания ДР-218.

Я перечитала сообщение, проверила номер и время. Восемь сорок семь. Мы в этот момент сидели на заседании.

— Константин Михайлович.

Он обернулся сразу.

Я положила телефон на стол экраном к нему, не выпуская из руки.

Вельский прочитал сообщение и не стал брать устройство.

— Не отвечайте. Не блокируйте номер. Сделайте снимок экрана и включите режим полета после фиксации у специалиста.

— Это личный телефон.

— Поэтому решение за вами. Я рекомендую сохранить данные и подать заявление. Сейчас сюда придет начальник смены охраны.

— Вы уже его вызвали?

— Секретарь вызывает. В здании действует режим безопасности, и фотография сделана на нашей парковке.

Он нажал кнопку внутренней связи и назвал номер переговорной.

— Я могу добраться до гостиницы сама, — сказала я.

— Нет.

— Это приказ?

— До выхода из здания я отвечаю за режим на объекте. За его пределами могу только предложить сопровождение. Но одну я вас сейчас не выпущу.

— На каком основании?

— На основании внутреннего порядка после угрозы сотруднику на территории компании. Письменное решение получите вместе с актом. Если не согласны с сопровождением за пределами парковки, подпишете отказ при двух свидетелях, и мы передадим полиции запись о том, что оценить маршрут не смогли.

Он не говорил, что лучше знает, чего мне хотеть. Он перечислял последствия каждого варианта.

Я убрала телефон в прозрачный пакет, который секретарь принесла вместе с бланком фиксации.

— Оформите сопровождение, — сказала я. — На сегодня. Завтра пересмотрим условия. Вельский коротко кивнул.

Я поставила подпись под временем получения угрозы. Первую подпись в новой жизни пришлось отдать документу, который подтверждал: домой мне возвращаться опасно.

ГЛАВА 2. Условия защиты

Павел Егоров пришел в переговорную через четыре минуты. Он представился, показал служебное удостоверение и попросил меня не пересказывать угрозу вслух до фиксации телефона. В его голосе не было ни особой мягкости, ни любопытства. Он работал.

Специалист из информационной службы снял экран, номер отправителя, время и технические сведения сообщения. Я сама ввела код разблокировки, сама открыла нужный раздел и не выпускала телефон из рук, пока Павел не предложил положить его на антистатический коврик.

— Копию передадим вам и полиции, — сказал он. — Заявление можете подать в ближайшем отделе или вызвать сотрудников сюда. С учетом фотографии с нашей парковки второй вариант быстрее для сохранения записи камер.

— Вы уже смотрели камеры?

— Дежурный сохраняет период с семи тридцати. Просмотр начнем после регистрации инцидента.

— На фотографии машина снята с уровня глаз. Человек мог пройти за любым сотрудником.

— Мог. Мог приехать на другой машине, войти через гостевой лифт или получить временный пропуск. Пока это варианты, не выводы.

Мне понравилось, что он не обещал найти отправителя за час.

Константин стоял у окна и читал служебную записку на планшете секретаря. Он не вмешивался, пока Павел не закончил первичную форму.

— Где вы собирались ночевать? — спросил Павел.

— В апарт-отеле. Я еще не бронировала.

— Название кому-нибудь сообщали?

— Нет. Даже не выбрала.

— Домой за вещами нужно?

— Да.

— Кто находится в квартире?

— Муж. Возможно, никого. У него рабочий день.

Павел записал адрес и спросил, есть ли у Артура оружие, доступ к охранным системам дома и привычка применять силу. Я ответила: зарегистрированного оружия нет, доступ к домофону и камерам общего коридора есть, силу ко мне он не применял. Утреннее запястье я не назвала насилием, но сообщила о том, что он удержал меня рукой и отпустил после требования.

— Угроза может быть связана с ним? — спросил Павел.

— Фраза «майский файл» известна Артуру. Не только ему, если он употреблял ее с кем-то еще. Этого недостаточно, чтобы назвать отправителя.

— Верно.

Он перевел взгляд на Константина.

— Нужен автомобиль без знаков компании, водитель и второй сотрудник. До заявления маршрут только внутри здания. После заявления — квартира, гостиница. Адрес гостиницы выбирает Таисия Викторовна из трех вариантов после проверки бронирования.

— Организуйте, — сказал Константин.

— За чей счет? — спросила я.

Оба посмотрели на меня.

— Автомобиль и сопровождение оплачивает компания, — ответил Павел. — Угроза получена на объекте после служебного заседания и содержит ссылку на рабочий документ.

Гостиницу вы можете оплатить сами или оформить как временное размещение сотрудника до оценки риска.

— Оплачу сама.

Константин отложил планшет.

— Если оценка подтвердит связь с работой, расходы подлежат возмещению.

— Тогда я подам заявление с чеками. Сейчас не хочу жить в номере, который выбрал работодатель.

— Обоснованно, — сказал Павел. — Но охрана должна проверить адрес до вашего приезда.

— Проверит после того, как я забронирую.

Он записал это в форму.

Константин подошел к столу, остановившись напротив меня.

— До снятия образа ваша работа по проекту сто восемнадцать приостановлена. По остальным договорам доступ сохранен. На сегодня можете выбрать удаленную работу из защищенного места.

— Я не передаю вам адрес гостиницы напрямую.

— И не должны. Его получит руководитель смены.

— Кто увидит журнал моих перемещений?

Павел ответил раньше него:

— Сотрудники смены и мой руководитель. Генеральному директору передается уровень риска, факт начала и окончания сопровождения, инциденты. Конкретный номер помещения или бытовой маршрут — только при необходимости реагирования.

— Я хочу это письменно.

— Получите памятку и форму согласия. В ней есть порядок отзыва.

Я посмотрела на часы. Прошло меньше полутора часов с голосового сообщения. За это время я успела закончить брак, оспорить собственное согласование и начать переговоры о личной охране. При этом у меня не было даже запасной блузки.

— Сначала заявление, — сказала я. — Потом квартира. Мне нужны документы и вещи на несколько дней. Артура предупредите о сопровождении только перед входом, чтобы он не мог запретить доступ или убрать мои документы.

— Квартира принадлежит ему? — спросил Павел.

— Куплена до брака. Я зарегистрирована там и живу одиннадцать лет.

— Мы не решаем имущественный спор и не входим без вашего законного доступа. Сопровождаем вас, фиксируем конфликт, при необходимости вызываем полицию.

— Этого достаточно.

Константин ничего не добавил. Когда Павел вышел готовить машину, он передал мне копию распоряжения об ограничении доступа.

— Ваш планшет остается у специалиста до завтра, — сказал он. — Для работы выдадут чистое устройство с доступом только к двум договорам.

— Мою почту по «СеверТрансу» кто будет читать?

— Независимая группа после утверждения состава. До этого ящик сохранен без просмотра новых сообщений.

— Артур входит в группу?

— Нет.

— Вы?

— Получу итоговый отчет. К содержанию личной переписки допуска не будет, если она не относится к проекту.

— Рабочая почта не личная.

— Согласен. Но люди пишут в ней то, что не относится к работе. Проверка должна искать материалы проекта, а не собирать лишнее.

Я перечитала распоряжение. В нем были перечислены основания, сроки на первые сорок восемь часов и право подать письменные возражения Бородину.

— Я подам замечание к пункту о доступе администраторов, — сказала я.

— Подайте до шестнадцати. После этого состав группы утвердят.

— Вы всегда предлагаете сотруднику спорить с вашим приказом?

— Если приказ предусматривает возражения, странно было бы скрывать срок.

Это прозвучало сухо. Я почти улыбнулась, но не дала себе удовольствия принять профессиональную нормальность за личную заботу.

В отделе полиции я провела два часа. Сначала дежурный выяснял, почему заявление нельзя принять по месту моего проживания. Павел показал копию акта с парковки и объяснил, что сообщение получено в здании, расположенном на территории отдела. После этого спор закончился. Я передала снимки, номер, время и назвала людей, знавших выражение «майский файл». Артур оказался первым в списке, но не единственным: я добавила своих двух сотрудников и Сергея Молчанова, который мог видеть название в резерве.

Следовательницей сотрудница, принимавшая заявление, не была и виновного мне не назначила. Она выдала талон-уведомление, уточнила контакт и сказала не удалять исходное сообщение.

К семейной квартире мы приехали после полудня. Павел сидел впереди рядом с водителем. Позади со мной была Вера Климова, сотрудница охранной смены. Она проверила площадку у лифта, попросила меня не входить первой и только потом позволила приложить ключ.

Артур открыл дверь раньше, чем я успела повернуть замок.

Он снял пиджак и галстук, но остался в белой рубашке с застегнутыми манжетами. Запоянок на нем не было.

— Ты привела охрану к нам домой?

— Я пришла за своими вещами.

Павел представился и объяснил, что сотрудники останутся в прихожей, если угрозы не возникнет. Артур выслушал, попросил показать основание сопровождения и сфотографировал служебную записку без персональных данных охранников. Он умел вести себя корректно, когда видел свидетелей.

— Мы можем поговорить на кухне? — спросил он меня.

— После того как я соберу документы. При открытой двери.

— Они будут слушать?

— Нет, если ты не заставишь их вмешаться.

Я прошла в спальню. Шкаф делился на две одинаковые секции, однако правая половина Артура давно заняла часть моей верхней полки. Я достала чемодан, положила белье, три комплекта для работы, домашние вещи, куртку и обувь. В ванной собрала косметику и зубную щетку. С полки у зеркала убрала серьги, которые принадлежали моей бабушке.

Артур стоял в дверях и следил, как я складываю одежду.

— Сообщение было мерзким, — сказал он. — Я понимаю, как это выглядело.

— Оно выглядело как запись женщины, с которой ты спал.

— Я совершил ошибку.

— Один раз?

— Я не буду перечислять тебе даты у охраны за спиной.

— Тогда не называй длительные отношения одной ошибкой.

Я прошла в кабинет. В нижнем ящике стола лежала папка с паспортом, свидетельством о браке, документами на мою квартиру и копией наследственного дела. Артур подошел ближе.

— Зачем свидетельство?

— Для заявления о разводе.

— Ты всерьез подашь сегодня?

— Сегодня запишусь к юристу. Срок подачи зависит от документов.

— Ты наказать меня хочешь или спасти лицо перед Вельским?

Я закрыла папку.

— Мой развод не имеет отношения к Константину Вельскому.

— Он уже распоряжается, где ты будешь ночевать.

— Гостиницу оплачиваю и выбираю я. Сопровождение оформлено после угрозы. Если тебе это мешает, объясни, откуда отправление знает наше домашнее название отчета.

Артур посмотрел в сторону прихожей.

— Ты считаешь, что это я?

— Я считаю, что ты знаешь выражение. Остальное проверят люди с соответствующими полномочиями.

— Мне невыгодно тебе угрожать.

— Сегодня утром тебе было невыгодно, чтобы я рассказала о файле. Но ты сделал это сам на заседании.

— Потому что документ согласован твоим блоком.

— Изображение блока не доказывает согласование.

— Ты цепляешься к формулировкам, чтобы не признать ошибку.

— Я цепляюсь к формулировкам за зарплату. Ты одиннадцать лет знал мою профессию.

Он помолчал, затем сказал:

— Яна не имеет отношения к файлу.

— Я не спрашивала.

— Но ты думаешь, что я дал ей доступ.

— Теперь думаю.

Артур выругался вполголоса и провел ладонью по волосам.

— Давай вечером встретимся без посторонних. Я расскажу о нас. Ты выслушаешь, а решение примешь через неделю. Не сегодня, когда тобой управляют обида и Вельский.

— Мной никто не управляет. Именно поэтому я уезжаю.

Я забрала ноутбук, которым пользовалась дома для личных дел, но не включала его. Вера осмотрела сумку снаружи, не касаясь документов. Павел записал время выхода.

У двери Артур произнес:

— Если вынесешь семейный конфликт в корпоративную проверку, пострадают оба.

— Семейный конфликт уже находится в тендерном отделе. Я его туда не приносила.

В машине я забронировала номер в апарт-отеле у Киевской на трое суток. Карта списала сорок две тысячи рублей. Павел получил адрес через защищенный чат смены, водитель изменил маршрут, а Вера позвонила дежурному отелю и попросила не произносить номер комнаты при регистрации.

В номере было две двери: входная и внутренняя, соединявшая апартаменты с соседними. Вера проверила вторую, попросила отель заблокировать ее с обеих сторон и показала мне кнопку вызова на телефоне. Павел оставил памятку, номер смены и план на утро.

— Машина будет в восемь, — сказал он. — Если решите выйти раньше, предупредите за двадцать минут. Доставку принимаем внизу. Посетителей согласуем заранее. Это рекомендации до оценки, но нарушение затруднит работу группы.

— Кто прочитает журнал?

— Я и руководитель подразделения. В нем будет время начала и конца, адрес точки, инциденты. Содержание ваших встреч не фиксируем.

— Артур может получить сведения как коммерческий директор?

— Нет.

— Константин?

— Только уровень риска и факт сопровождения. Если потребует маршрут без служебной причины, я откажу и отмечу запрос.

— Вы откажете генеральному директору?

— За режим отвечаю я. Если он хочет другую систему, пусть меняет внутренние документы через совет и лицензионные требования, а не звонит водителю.

После их ухода я заперла дверь и положила чемодан у шкафа. Раскладывать вещи не стала. Открыла личный ноутбук, подключилась к банковскому приложению через телефон и увидела, что семейный накопительный счет изменился.

Накануне на нем было четыре миллиона восемьсот сорок тысяч рублей. Я проверяла сумму, потому что через неделю заканчивался вклад и мы собирались решить, куда перевести деньги.

Теперь осталось один миллион шестьсот сорок тысяч.

Два перевода на общую сумму три миллиона двести тысяч ушли утром на личный счет Артура в том же банке. Первый — в семь сорок шесть, когда я принимала душ. Второй — в девять двадцать три, уже после заседания.

Я сохранила выписку, сделала снимки экрана и отправила их в отдельную папку с датой. Затем позвонила Оксане Нестеровой.

Три года назад она представляла поставщика в споре с нашей компанией. Мы не сошлись по двум пунктам договора, зато сошлись в оценке друг друга. После дела она прислала мне открытку на Новый год и написала: «Если когда-нибудь понадобится семейное право, не пытайтесь применить к мужу регламент закупок».

— Таисия? — ответила она. — Если это про договор охраны, я теперь занимаюсь только частными клиентами.

— Это про развод.

Оксана не спросила, уверена ли я.

— Есть несовершеннолетние дети?

— Нет.

— Муж согласен подать совместное заявление?

— Он пока считает, что через неделю я передумаю.

— Значит, готовим обращение в суд. Имущество есть?

— Совместные накопления и автомобиль. Квартиры приобретены до брака: его и моя наследственная.

— Доступ к деньгам сохранился?

— Сегодня он перевел три миллиона двести тысяч с семейного счета на личный.

— Выписку сохранили?

— Да.

— Хорошо. Сам перевод не превращает совместное имущество в его личное. Но нам понадобятся источник денег, движение за весь период и документы по счету. Когда сможете приехать?

— Завтра после обеда.

— Паспорт, свидетельство о браке, документы на квартиру, сведения об автомобиле, выписки. Мою работу оплачиваете вы. Если понадобится корпоративный юрист, найдем отдельно, чтобы не смешивать дела.

— Согласна.

— И еще. Если существует угроза, расскажете мне в начале встречи. Я не буду назначать переговоры с мужем там, где он сможет привести неизвестных людей.

Я сообщила ей о фотографии и заявлении. Она записала номер талона и попросила прислать только его, без материалов корпоративной проверки.

После разговора я открыла письмо от Яны. В теме стоял обещанный расчет. Внутри было четыре строки:

«Таисия Викторовна, направляю таблицу по сопровождению. Артур Игоревич просил передать до совещания. Прошу подтвердить получение.»

Файл я не открыла. Переслала письмо на адрес, указанный в распоряжении о сохранении данных, и ответила: «Получение письма подтверждаю. Доступ к приложению ограничен внутренним решением. Дальнейшие вопросы направляйте рабочей группе.»

Яна ответила через минуту: «Поняла.»

Ни извинения, ни вопроса о голосовом сообщении. Возможно, Артур уже рассказал ей, что произошло. Возможно, она ждала, пока я первая вынесу личный разговор в рабочую почту. Я не собиралась давать ей такой документ.

На следующее утро в офисе меня встретили Павел и сотрудница новой смены. За ночь уровень угрозы не изменился. Камеры парковки показали мужчину в кепке, вошедшего вслед за курьером. Лицо он держал в стороне, а временный пропуск не оформлял. Этого хватало для продолжения оценки, но не для установления личности.

В малой переговорной лежали три документа: согласие на сопровождение, порядок обработки маршрутов и приказ о включении меня в рабочую группу после передачи устройств. Константин пришел вместе с Бородиным.

— Я согласна на семь дней, — сказала я, дочитав форму. — Ежедневная оценка, право отказаться письменно, маршруты у охранного подразделения. Генеральный директор получает только уровень риска и инциденты.

— Это уже в приложении, — сказал Бородин.

— Я хочу добавить, что отказ от личной встречи, звонка или бытового маршрута не может влиять на мой доступ к работе.

Константин взял ручку и внес формулировку в проект.

— Еще?

— В рабочую группу я вхожу по письменному перечню задач. Я не провожу опросы, не ищу людей и не получаю банковские данные. Моя работа — версии договоров, согласования и матрица доступа.

— Поддерживаю, — сказал Бородин. — Чем уже роль, тем проверяемое результат.

— Мои устройства изучает внешний специалист, а не сотрудник, подчиненный Артуру.

— Утверждено вчера, — ответил Константин. — Кандидат Анна Зимина. Биографию и конфликт интересов получите до передачи образов.

— Тогда подпишу после ознакомления.

Он не предложил довериться ему. Секретарь принесла справку об эксперте, договор и список предыдущих проектов. Я прочитала, задала два вопроса Бородину и подписала согласие на участие.

Когда встреча закончилась, Константин задержал передо мной отдельный лист.

— Перечень материалов на первый этап. Ничего не открывайте без присутствия эксперта. Отметьте, какие документы вы помните и где они должны находиться.

Я взяла список.

Первым пунктом значился отчет ДР-218 от двадцать восьмого мая — тот самый файл, который Артур просил меня удалить после закрытия замечания.

В графе «местонахождение» стояло: «Не установлено».

Я вспомнила внешний диск в синем чехле, лежавший в ящике письменного стола моей квартиры в Сокольниках. Перед сдачей жилья я скопировала туда личный архив и несколько рабочих папок, которые собиралась разобрать. Я не могла утверждать, что отчет сохранился, пока не проверила диск.

Но Артур знал о нем. Он сам купил этот накопитель и однажды смеялся, что я храню закрытые проекты надежнее корпоративного архива.

Я написала напротив первого пункта: «Возможная резервная копия на личном носителе. Нужна передача эксперту без самостоятельного просмотра.»

После этого позвонила арендаторам своей квартиры и спросила, когда смогу забрать вещь из запертого хозяйственного шкафа.

ГЛАВА 3. Моя подпись

Двадцать пятого сентября в десять утра я подписала иск о расторжении брака.

Оксана прочитала последнюю страницу, попросила проверить паспортные данные Артура и положила рядом договор на свои услуги. Ее кабинет находился на втором этаже старого делового центра, где окна еще открывались вручную, а посетителям выдавали бумажные пропуска. Павел ждал в коридоре. Внутрь он не входил и не спрашивал, что мы обсуждаем.

— Причину расписывать не будем, — сказала Оксана. — Для требования о расторжении брака достаточно указать, что совместная жизнь прекращена и сохранение семьи невозможно. Измена важна для вас, но не превращает дело в публичный отчет о постели.

— Артур попросит срок для примирения.

— Имеет право попросить. Суд оценит обстоятельства. Вы имеете право настаивать на разводе.

— Он перевел деньги после того, как я сказала, что не вернусь домой.

— Это пойдет в имущественную папку. Мы запросим движение средств, происхождение накоплений и документы по автомобилю. Не предлагайте ему обменять согласие на развод на имущество и не принимайте такой обмен.

Я проверила адрес, серию паспорта и дату регистрации брака. Одиннадцать лет помещались в четырех строках.

— Подавайте, — сказала я.

— Госпошлину оплатите сегодня по реквизитам. Копию и подтверждение отправлю вам в защищенный кабинет. Адрес гостиницы в иске не указываем, для связи достаточно моего адреса и вашей регистрации.

Я перевела аванс по договору. Деньги списались с моего личного счета, и это простое действие принесло больше спокойствия, чем обещания Артура все объяснить.

У выхода Оксана задержала меня.

— Он может позвонить и сказать, что согласен на все. Не спорьте по существу без меня. Просите письменное предложение.

— Я умею просить письменные предложения.

— На работе. Дома вы одиннадцать лет принимали устные.

Возражать было нечем.

К полудню Павел привез меня в офис независимого аудитора. Анна Зиминая занимала две комнаты на четвертом этаже здания рядом с Павелецким вокзалом. В первой стояли обычные столы и шкафы, во второй за стеклом — техника для работы с носителями. На двери висел перечень допущенных сотрудников. Моей фамилии в нем не было.

Анна встретила нас в сером жакете, без пропуска на шее. Перед началом она показала удостоверение, договор с комитетом и акт, в котором были перечислены мой планшет, рабочий ноутбук и корпоративный телефон, выданный накануне вместо личного.

— Ваш личный ноутбук я не принимаю, пока нет точной задачи и вашего отдельного согласия, — сказала она. — Если резервная копия находится на внешнем диске, носитель опечатаем при вас. Сначала сделаем образ, потом вернем оригинал либо передадим хранителю по акту.

— Арендаторы разрешили доступ к хозяйственному шкафу четвертого октября, — ответила я. — Раньше они в отъезде.

— Не просите их искать диск. И не объясняйте по телефону, что именно вам нужно.

— Я сказала, что заберу личный архив.

— Этого достаточно.

Она предложила мне проверить серийные номера устройств. Я сверила каждый и расписалась на двух экземплярах. Анна поставила время, запечатала технику в пакеты и попросила представить пароль в отдельном конверте.

— Вы будете читать всю почту? — спросила я.

— Нет. Сначала сохраним данные без изменения. Потом комитет утвердит критерии поиска: номер договора, имена файлов, адреса участников, даты. Совпадения просматривают два специалиста. Личная переписка, не относящаяся к заданию, в отчет не войдет.

— Если найдете нарушение с моей стороны, которое не связано с утечкой?

— За пределами задания я не оцениваю нарушения. Если увижу признаки преступления или непосредственной угрозы, действую по закону и договору. Остальное фиксирую только в пределах утвержденного вопроса.

Константин и Бородин приехали через двадцать минут. Артур появился следом с корпоративным юристом. Он поздоровался со всеми, кроме меня, и занял место у стены.

Анна вывела на большой экран две версии приложения: КМ-три из карточки договора и КМ-четыре, полученную от клиента. Слева находилась история согласования, справа — свойства файлов.

— Сразу обозначу предел, — сказала она. — Сегодня мы сравниваем предоставленные копии. Вывод об источнике подмены возможен только после исследования серверных образов. Если кто-то назовет автора по одному экрану, в заключение это не попадет.

Константин сел напротив экрана.

— Покажите отличия, которые уже подтверждаются.

Анна открыла титульные листы. В КМ-три мой блок согласования был частью карточки, созданной системой. В КМ-четыре он находился внутри PDF как изображение.

— Визуально строки одинаковы, — сказала она. — Но в КМ-четыре весь блок представляет собой отдельный графический объект. Это могло произойти при штатной сборке документа или при копировании. Пока оба варианта допустимы.

Артур наклонился к юристу и тихо сказал что-то. Константин услышал.

— Если есть вопрос, задайте вслух.

— Я хотел уточнить, — ответил Артур, — почему мы обсуждаем технический способ, если Таисия сама закрыла замечание в карточке. Решение существовало независимо от изображения.

Анна не стала смотреть на меня.

— Я оцениваю файл. Смысл решения устанавливает рабочая группа.

— Таисия Викторовна, что именно вы закрыли? — спросил Бородин.

Я подошла к экрану и указала на строку в истории КМ-три.

— Замечание ДР-218: подрядчик «Сигма Контроль» не должен получать закрытые приложения. Двадцать девятого мая Артур сообщил, что спорный маршрут исключен из пакета подрядчика. Я закрыла замечание с формулировкой «доступ ограничен внутренней клиентской группой». В КМ-четыре состав получателей расширен, а маршрут возвращен.

— Почему вы не создали новое замечание?

— Эту версию мне не направляли.

Артур заговорил сразу:

— Мы обсуждали изменение на оперативном совещании. Таисия ушла раньше, но получила протокол.

— Дата? — спросила я.

— Тридцатое мая.

— Тридцатого мая я весь день была в офисе. Найдите приглашение и протокол.

— Ты уехала к врачу после обеда.

— Второго июня. У меня сохранилась запись, но медицинские сведения к проекту не относятся. Тридцатого я согласовывала договор по складам в Туле до семи вечера. Это видно по системе.

Артур постучал пальцем по папке.

— Можно найти десяток косвенных отметок. Они не доказывают, что разговора не было.

— А ваш рассказ не доказывает, что разговор был, — сказал Бородин. — Ищем протокол. Константин смотрел на экран.

— Таисия Викторовна, вы утверждаете, что визуальный блок перенесен без вашего участия. На чем основано утверждение помимо памяти?

Формулировка разозлила меня. Я провела утро у юриста, передала устройства и сидела рядом с мужем, который уже пытался переписать два рабочих дня. Но вопрос оставался правильным.

— Пока на различии версий и отсутствии маршрута согласования КМ-четыре, — ответила я. — Этого достаточно, чтобы оспорить документ, но недостаточно, чтобы назвать человека, который перенес блок.

— Что позволит назвать?

— Карточка загрузки, серверный журнал, исходный файл сборки, учетная запись автора и подтверждение, что запись не изменена. Если использовался штатный конструктор, нужен его журнал. Если блок копировали вручную, могут совпасть размеры и дефекты изображения с другим документом.

Анна увеличила мой блок до двухсот процентов.

— Последнее можно проверить уже сейчас. Нужен набор документов с согласованием Таисии Викторовны за ближайшие месяцы.

— В карточках договоров около сорока, — сказал Молчанов, подключившийся по связи. — Выгрузка займет час.

— Не выгружайте выборочно, — возразила я. — Зафиксируйте критерий и перечень до поиска. Иначе мы найдем удобное совпадение, а остальные не сохраним.

Анна посмотрела на Константина.

— Поддерживаю. Запрос через комитет, выгрузка полным массивом, хеши до передачи.

— Оформляйте, — сказал он.

Артур откинулся на спинку стула.

— Мы превращаем обычную ошибку сборки в уголовную экспертизу.

— Пока это внутренняя проверка, — ответил корпоративный юрист, сидевший рядом с ним. — И она нужна, потому что клиент получил закрытый маршрут.

Артур повернулся к юристу, но спорить не стал.

Через час Анна получила сорок три документа. Она загрузила изображения блоков в программу сравнения и последовательно исключала те, где размер, шрифт или положение строк отличались. Мы наблюдали за ее работой через экран, не входя в техническую комнату.

Совпадение нашлось в приложении к февральскому договору с сетью складов. Оно было полным: одинаковый размер, одинаковое расстояние между строками, одинаковая светлая точка возле буквы «В» в моей фамилии. В февральском файле точка появилась после неудачного сканирования листа, который клиент требовал подписать вручную. К маю компания перешла на системный блок без сканирования.

— Изображение КМ-четыре с высокой вероятностью скопировано из февральского приложения, — сказала Анна. — Точный вывод дам после анализа исходных объектов. Но штатная майская сборка не должна содержать февральский дефект.

Я вспомнила тот договор. Артур просил оформить его в субботу, потому что представитель клиента улетал. Я приехала в офис, подписала лист, отсканировала его на устройстве коммерческого отдела и отправила секретарю Артура.

— Исходник был у вашего секретариата, — сказала я.

Артур медленно повернулся ко мне.

— И у тебя. Ты отправляла скан.

— Да. Это расширяет список, а не снимает вопрос.

Константин впервые за встречу отодвинулся от стола.

— Фиксируем: визуальный блок не подтверждает майское согласование. До результата экспертизы автор неизвестен. Все заявления о вине любого сотрудника прекращаются. Артур Игоревич, это относится и к вашим словам об ошибке Таисии Викторовны.

— Вы уже приняли ее сторону.

— Я принял сторону установленного факта. Когда появится другой, решение изменится.

Он произнес это без демонстративной поддержки, однако Артур побледнел вокруг рта. Муж привык, что на совещаниях я объясняю его резкость, уточняю формулировки и оставляю ему путь к отступлению. Сегодня я молчала.

После встречи Бородин утвердил ограничение моих полномочий на пять рабочих дней. Я могла просматривать договоры, давать письменные пояснения и общаться с экспертом, но не имела права согласовывать новые закрытые приложения. Два моих сотрудника временно перешли к заместителю юридического директора.

Я вернулась в отдел и собрала их в маленькой переговорной.

Света Рябова работала со мной четыре года, Марат Якупов — полтора. Оба уже знали об ограничении: письмо от кадров пришло раньше меня.

— По проекту «СеверТранс» идет проверка, — сказала я. — Мои доступы к согласованию временно закрыты. По остальным договорам вопросы направляйте мне, финальные решения подписывает Людмила Сергеевна из юридического блока. Рабочие файлы не удалять и не пересылать на личную почту.

Света спросила:

— Это из-за утечки маршрута?

— Да.

— В чате пишут, что согласование ваше.

— Я оспорила его. Идет экспертиза. Больше сейчас сообщить не могу.

Марат посмотрел на открытую дверь, потом на меня.

— Нам нужно сдать ноутбуки?

— Пока нет. Если получите запрос, сначала прочитайте акт и перечень данных. Не пытайтесь заранее чистить личные сообщения. Это создаст проблему даже там, где ее не было.

— А вы будете работать здесь? — спросила Света.

— Да. По своему графику, с ограниченным доступом.

Она явно хотела задать еще один вопрос. Я дала ей время.

— Артур Игоревич утром сказал, что вы плохо себя чувствуете и можете взять отпуск.

— Я не просила его сообщать о моем здоровье. Если появится изменение графика, вы получите его от меня или кадровой службы.

Света закрыла блокнот. Этот ответ был достаточен и для работы, и для слухов.

На третий день Анна пригласила меня к себе. Серверные образы еще копировались, но комитет получил журналы гостевого доступа к проекту. Она показала таблицу на экране, не передавая файл.

— Здесь тридцать один пользователь, — сказала она. — Двадцать семь сотрудников «Сферы», три представителя клиента и один гостевой профиль подрядчика.

— «Сигма Контроль» не должна была иметь гостевой профиль.

— Профиль создан двадцать девятого мая по заявке коммерческого блока. Активирован тридцатого. Вошел дважды. Второго июня скачал КМ-четыре.

— Имя?

— Олег Романов. Сотрудник «Сигма Контроль». Вам знаком?

Я вспомнила список допуска, который Артур приносил домой в конце мая. В нем было шесть фамилий. Романов стоял третьим. Я вычеркнула его вместе с остальными из доступа к закрытым приложениям.

— Я отказала ему в доступе, — сказала я. — Это должно быть в исходном отчете.

Анна увеличила строку заявки. Инициатором значился коммерческий блок, согласующим — начальник клиентского отдела. Поле договорного контроля было пустым.

— Профиль создали в обход вашей функции, — сказала она. — Но пока неясно, кто именно подал заявку из коммерческого блока. Общая роль позволяет это нескольким сотрудникам.

— Артур знал мое возражение.

— Это основание задать ему вопрос, но не записать ответ заранее.

— Понимаю.

Я попросила внести в рабочую заметку номер моего замечания и фамилию Романова. Анна показала текст перед сохранением.

Когда я вышла, Павел ждал у лифта. За стеклянной дверью коридора стоял Константин. Он разговаривал по телефону и не подошел, пока не закончил.

— Результат? — спросил он.

— Гостевой профиль сотрудника подрядчика скачал файл. Профиль создан в обход договорного контроля. Автор заявки пока не установлен.

— Вы знаете сотрудника?

— Видела фамилию в списке и отказала в доступе. Если исходный отчет сохранился, там будет подтверждение.

— До четвертого октября диск остается в квартире?

Я остановилась.

— Эту дату вам сообщил комитет?

— Павел сообщил уровень риска, связанный с будущим выездом, без адреса и предмета.

Я подписываю расходы на усиление смены.

— Тогда формулируйте так и дальше.

— Хорошо.

Он не обиделся и не объяснил, что заботится. Только уточнил у Павла время машины на следующий день и ушел на совещание.

Я посмотрела ему вслед дольше, чем требовалось для проверки маршрута. Потом разозлилась на себя и вошла в лифт.

У меня был муж, который использовал домашние разговоры против моей работы, и новый руководитель, который пока соблюдал каждую названную границу. Слово «пока» оставалось главным.

ГЛАВА 4. Человек из списка

В субботу утром Анна прислала через защищенный кабинет первый список вопросов. Рядом с каждым стоял источник: журнал доступа, карточка заявки, версия файла или мое пояснение. Ни одного вопроса о мотивах там не было.

Я добавила три строки:

«Кто передал подрядчику адрес гостевого входа?»

«На каком основании Романов считал, что имеет доступ к КМ-четыре?»

«Кто сообщил „Сигма Контроль“ о закрытии замечания ДР-218?»

Анна вернула вторую строку с правкой: «Каким документом или сообщением Романов подтверждает разрешение?»

Я приняла формулировку. Человек мог считать что угодно. Для проверки требовался след.

В понедельник рабочая группа собралась в офисе Бородина. Константин пришел последним, положил на стол папку и сообщил, что «Сигма Контроль» согласилась на встречу во вторник. Подрядчик разрешал осмотр своей копии файла и журнала внутренней передачи, но отказывался предоставлять личные устройства сотрудников.

— Имеет право, — сказал корпоративный юрист. — Мы не следствие. Если обнаружим основания, материалы передадим тем, у кого есть полномочия.

— Значит, работаем с добровольно переданными данными, — ответил Константин. — Никаких попыток получить пароль, снять устройство или удержать сотрудника.

Он посмотрел на меня.

— Таисия Викторовна, ваша роль — версии договора и процедура допуска. Вопросы задает Бородин.

— Почему не я?

— Потому что вы оспариваете собственное согласование и состоите в браке с руководителем, на чье устное разрешение ссылается подрядчик. Ваши вопросы легко представить личным давлением.

— А ваши — давлением нового владельца.

— Поэтому встречу ведет представитель миноритарных акционеров. Вы можете передать ему уточнение и попросить зафиксировать отказ.

Бородин поднял ладонь.

— Я еще присутствую и согласен вести разговор. Если кто-то попытается ответить вместо другого участника, останавливаю независимо от фамилии.

Я закрыла блокнот.

— Тогда прошу включить в протокол основание моей ограниченной роли.

— Включим, — сказал Константин.

Артура на встречу не пригласили. Узнав об этом, он пришел ко мне в отдел за десять минут до конца рабочего дня. Света и Марат уже ушли, но дверь оставалась открытой, а в коридоре сидел сотрудник охраны.

— Ты поедешь к Ковалю? — спросил Артур.

— Состав группы утвержден комитетом.

— Я спрашиваю не комитет.

— А отвечаю как сотрудник компании.

Он вошел и положил ладони на край моего стола.

— Коваль вспыльчивый. Если ты начнешь обвинять его в утечке, он закроется и откажется от договора. Мы потеряем подрядчика до замены.

— Мне запретили вести встречу. Вопросы задаст Бородин.

Артур явно не ожидал ответа. Он выпрямился.

— Вельский уже отстранил тебя от собственной проверки?

— Мою роль ограничили из-за конфликта интересов. Тебя не включили вообще.

— Я коммерческий директор. «Сигма» — моя зона ответственности.

— Это и создает конфликт.

— Ты говоришь его словами.

— Я говорила о конфликте интересов еще до того, как Константин Вельский купил акции компании.

Артур обошел стол, остановившись ближе, чем требовал разговор. За одиннадцать лет я привыкла к его росту, голосу, привычке наклоняться, когда хотел убедить. Теперь знакомые приемы казались выученными инструментами. Возможно, он всегда разговаривал так. Раньше мне нравилось считать, что только со мной.

— Тася, — сказал он тише, — я готов объяснить все про Яну. Встретимся в четверг у Оксаны или в любом месте, которое ты выберешь. Но не используй расследование, чтобы отомстить.

— Месть не требует журналов доступа. Мне нужна проверяемая последовательность.

— Твоя последовательность уже назначила виновных.

— Если ты знаешь, кого я назначила, назови.

Он посмотрел в коридор.

— Ты думаешь на меня.

— Я думаю, что ты знал о моем запрете и сообщил на заседании, будто я согласовала противоположное. Это факт. Остальное устанавливает группа.

Артур убрал руки со стола.

— Коваль получил устное разрешение на подготовку коммерческой части. Если его сотрудник скачал лишнее, это ошибка доступа, а не схема.

— Кем дано устное разрешение?

— Не мной.

— Тогда ты только что сообщил новый факт. Направь его Бородину письменно.

— Я пришел поговорить с женой.

— Жена подала на развод. Руководитель договорных рисков просит письменное пояснение.

Он вышел, не попрощавшись. Через пятнадцать минут мне пришло его письмо Бородину: коммерческий блок разрешал подрядчику подготовку расчетов, но доступа к закрытому маршруту не предоставлял. Имя человека, давшего разрешение, Артур не указал.

Офис «Сигма Контроль» занимал два этажа бывшего административного здания на востоке Москвы. На первом размещались склад оборудования и диспетчерская, на втором — кабинеты. Нашу машину пропустили во двор после проверки списка. Павел вышел первым, Вера осталась рядом со мной до входа.

Константин приехал отдельно. Я увидела его у турникета: темное пальто, папка под рукой, разговор с Бородиным без помощников. Он не выглядел человеком, который собирался лично ловить преступника. В тот момент это было достоинством.

Дмитрий Коваль встретил нас в переговорной. Полный мужчина в синей рубашке, с короткими седыми волосами и массивными часами. Рядом сидели юрист подрядчика и Олег Романов — худой, бледный, лет тридцати пяти.

Бородин представил участников и включил запись после письменного согласия всех присутствующих.

— Мы проводим внутреннюю проверку исполнения договора, — сказал он. — Не расследуем преступление и не требуем сведений за пределами добровольно согласованного перечня. При отказе фиксируем отказ без давления. Возражения есть?

Юрист Коваль ответил, что нет.

На экран вывели журнал внутренней передачи. Второго июня Романов получил файл с названием «STL_118_KM4_FINAL_06.pdf» от сотрудника, обозначенного инициалами Я.С.

Я не изменила позы. Я.С. могла оказаться Яной Соколовой, но могла быть Ярославом Семеновым или обозначением внутренней группы.

— Олег Петрович, от кого вы получили файл? — спросил Бородин.

Романов посмотрел на Коваль.

— Из тендерного отдела заказчика.

— Имя?

— Яна Соколова.

— Каким способом?

— Ссылка в гостевом кабинете. Она сказала по телефону, что доступ согласован.

— С кем?

— С коммерческим директором. Нас подключали к расчетам по расширенному сопровождению.

Артур написал утром, что разрешение дано не им. Я передала Бородину записку с номером письма. Он прочитал и продолжил:

— Артур Игоревич Веденеев сообщил комитету, что коммерческий блок разрешал только подготовку расчетов и не предоставлял закрытый маршрут. У вас есть письмо или документ с другим содержанием?

Романов покачал головой.

— Только звонок.

— Запись разговора?

— Нет.

— Служебная записка после него?

— Нет.

Коваль вмешался:

— Нас пытаются сделать виновными в чужом бардаке. Олег получил файл внутри кабинета самой «Сферы». Доступ создали ваши администраторы, ссылку прислал ваш сотрудник. Мы использовали материал для расчета, который вы же заказали.

— Кто заказал? — спросил Бородин.

— Веденеев.

— Письменно?

Коваль посмотрел на юриста.

— На встрече. Я не обязан записывать каждое слово партнера, с которым работаю семь лет.

Я передала вторую записку: «Дата и место встречи? Кто присутствовал?»

Бородин задал вопросы. Коваль назвал двадцать девятое мая, переговорную на восьмом этаже «Сферы» и трех участников: себя, Артура и Яну.

— Время? — спросил Бородин.

— После шести. Точно не помню.

Юрист подрядчика открыл предоставленную папку.

— У нас есть распечатка расчета, созданная после встречи. В верхнем колонтитуле указана версия исходного приложения.

Он положил на стол лист. Бородин показал его Анне по видеосвязи, затем передал мне для изучения без права забрать.

В колонтитуле стояло: «КМ4 / финал / версия б». Внизу — время печати: двадцать девятое мая, девятнадцать шестнадцать.

— Таисия Викторовна? — спросил Бородин.

— В карточке «Сферы» КМ-четыре появился тридцатого мая в девять сорок две. Эта распечатка, если время верно, показывает, что подрядчик располагал названием и номером версии на четырнадцать часов раньше.

Коваль отодвинул лист.

— Потому что мы собирали расчет вместе.

— Содержимое маршрута тоже было у вас двадцать девятого? — спросил Бородин.

— Мне нужно посмотреть материалы.

Я вспомнила приглашение, которое видела в календаре тендерного отдела в мае. Яна просила зарезервировать переговорную под «финальную сборку КМ4» на девятнадцать часов. Тогда я решила, что речь идет о внутреннем черновике без маршрута. Приглашение пришло мне как руководителю согласующей функции, но Артур затем сказал, что встреча отменена.

Я написала Бородину: «Запросить рабочий календарь Я.С. и бронь переговорной на 29.05, 18:00–20:00. У меня было отмененное приглашение.»

Он прочитал записку.

— Вопрос к «Сфере», — сказал Коваль. — У вас все?

Я подняла руку, попросив слово. Бородин кивнул.

— Дмитрий Андреевич, в мае я направила возражение против допуска «Сигма Контроль» к закрытым приложениям. Вам о нем сообщали?

— Нет.

— До получения КМ-четыре вы запрашивали подтверждение от договорного контроля?

— Я работал с коммерческим директором. Его полномочий достаточно.

— Для расчета цены — да. Для изменения матрицы закрытого доступа — нет.

Коваль повернулся к Константину.

— Мы договаривались о проверке фактов, а не о допросе моих сотрудников вашей женщиной, которая теперь спасает собственную подпись.

Слова «вашей женщиной» он произнес с расчетом. Я ждала реакции Константина и злилась на себя за это ожидание.

Он не повысил голос.

— Таисия Викторовна задала вопрос в пределах своей функции. Личную характеристику уберите из протокола и из речи. Следующий вопрос ведет Бородин.

— Она заинтересованное лицо.

— Именно поэтому ее роль ограничена, а встреча записывается. Если вы считаете вопрос недопустимым, ваш юрист заявит возражение.

Юрист Коваля сказал:

— Возражений к вопросу нет. Ответ дан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.